

По крышам и садам Литтла Уингинга струился мелкий туманный дождь, покрывая все мелкими каплями, словно стеклянными бусинками. Низкие тучи, нависшие над головой, полностью закрывали солнце, и в воздухе стояла необычная для июля прохлада. Хотя дождь трудно было назвать ливнем (он больше походил на густой туман), жители Тисовой улицы изо всех сил старались не выходить из дома, смотрели телевизор и готовили ужин.

То тут, то там проезжало несколько машин, отправлявшихся по разным делам или возвращавшихся домой, чтобы их владельцы могли выскочить с посылками и поспешить в свои дома, чтобы не промокнуть. Даже в самый мелкий дождь большинство жителей Литтла Уингинга крайне не любили визуальный эффект сырости.

То есть все, кроме мальчика, сидевшего на задней террасе дома номер четыре по Тисовой улице. Его черные волосы, покрытые мелкими бусинками дождя, мокро прилипли к голове и лбу над очками в проволочной оправе, а влажная, слишком большая одежда прилипла к худому телу. Совершенно неподвижно сидя на самой нижней ступеньке задней террасы, он напоминал лишь причудливое украшение для газона, а его ярко-зеленые глаза смотрели в никуда.

Гарри Поттер знал, что внутри по телевизору показывают новости, но не потрудился зайти в дом. И на этот раз не потому, что тётя и дядя запретили. На самом деле Дурсли были почти терпимы к Гарри в течение недели, прошедшей с тех пор, как они забрали его с Вокзала Кингс Кросс в конце пятого года обучения в Хогвартсе. Вместо того чтобы кричать: «Мальчик! Иди сюда и делай то-то и то-то», дядя Вернон теперь бормотал: «У меня есть для тебя кое-какие обязанности. Проследи, чтобы они были сделаны к ужину». А потом Гарри обычно оставляли одного.

Не было сомнений, что сдержанность родственников Гарри из числа маглов была связана с приветственной группой, собранной Орденом Феникса, чтобы пообщаться с ними, когда они прибыли на Кингс-Кросс. Близкого знакомства с Грозным Глазом Грюмом было достаточно, чтобы заставить задуматься даже среднего волшебника, поэтому, естественно, дядя Вернон оказался немного запуганным. Теперь Дурсли жили, не опасаясь, что один или несколько причудливо одетых, слегка угрожающих персонажей, которых они встретили на вокзале, появятся на Тисовой улице и разрушат их любимое «нормальное» существование, если племянник пожалуется на обращение с ним.

Но в целом у Дурслей не было причин для беспокойства: с момента возвращения на Тисовую улицу Гарри Поттер почти не произносил ни слова.

После долгих наставлений Гермионы Грейнджер Рон Уизли наконец-то научился правильно пользоваться телефоном, и поэтому каждый день Гарри получал либо телефонный звонок, либо сову от одного из них (а иногда и от другого). Гарри предпочитал совы: достаточно было написать, что ничего нового не происходит, и да, он живет в поместье Дурслей, нет, они не плохо с ним обращаются, да, он с нетерпением ждет результатов экзаменов С.О.В., нет, ему не нужно, чтобы они совали или звонили каждый день.

Но это не мешало им делать это.

Когда звонил Рон, Гарри обычно удавалось избежать долгих разговоров: он просто позволял Рону рассказывать ему о том, как он провел лето в Бэрроу, как занимался квиддичем с Джинни и любым из братьев, оказавшихся дома, как помогал близнецам с магазином и был готов в любой момент бежать в штаб-квартиру. Гарри достаточно было издавать соответствующие звуки между фразами Рона и давать несколько односложных ответов, чтобы убедить Рона, что с ним все в порядке.

Гермиону, напротив, не так-то просто было обмануть, и она бесконечно допытывалась у Гарри, как у него дела. За последние несколько недель после окончания года она, кажется, немного поняла его обычную реакцию на назойливость и избегала прямо говорить о том, о чём хотела бы, чтобы он рассказал. Но, несмотря на то, что она умела улавливать тонкости в других, когда дело доходило до дела, Гермиона сама не очень-то умела ими пользоваться. И Гарри было до боли ясно, что именно о той теме, о которой она больше всего хотела услышать, он хотел говорить меньше всего.

Прошло всего три недели с тех пор, как Сириус Блэк, крестный отец Гарри, погиб в Отделе тайн Министерства Магии, провалившись в каменную арку, которая вела... ну... в никуда. Хуже того, причиной его смерти стало то, что Гарри поспешил в Министерство и угодил в ловушку, расставленную Волан-де-Мортом и его последователями. Гарри отправился туда, чтобы спасти Сириуса, и в итоге именно из-за этого погиб его крестный.

Нет, он не хотел говорить об этом ни с Гермионой, ни с кем-либо еще. Поэтому каждую минуту он старался занять себя чем-нибудь, будь то работа по дому у Дурслей или домашние задания на лето.

Во второй понедельник летних каникул Гарри закончил все дела по дому к часу дня и провел вторую половину дня, пересматривая эссе по Зельеварению. В предыдущую пятницу пришли результаты С.О.В.: Гарри получил семь баллов и был принят на курсы ЖАБА, которые позволят ему стать аврором, даже на Зельеварение. По Зельям он набрал гораздо больше баллов, чем ожидал, получив «О» по теории и «Е» по практике, и каким-то чудом (возможно, его немного подтолкнули профессор МакГонагалл или профессор Дамблдор) он был принят на Зельеварение в ЖАБА.

То, что он попал в класс ЖАБА к Снейпу, должно было сделать его счастливым или хотя бы немного самодовольным. Но этого не произошло. Он должен был чувствовать себя взволнованным или хотя бы немного воодушевленным от того, что у него еще есть шанс стать Мракоборцем. Но этого не произошло. Станным образом, вернувшись на Тисовую улицу, Гарри добился того, чего хотел в ночь смерти Сириуса: он больше не мог видеть, чтобы чувствовать. Ничего.